

БЕСЦЕННАЯ УЗДЕЧКА

(Об одном неясном мотиве в исторической песне «Щелкан»)

Знаменитая русская историческая песня о Щелкане Дюдентьевиче, записанная еще в XVIII веке Киршей Даниловым, служила одним из любимых аргументов ученых исторической школы в спорах с другими направлениями фольклористики. Сегодня никто и не думает оспаривать положения о том, что эта песня отразила события тверского восстания 1327 года против ордынского баскака Чол-хана (Щелкан в русском произношении). Разумеется, эпос оптимистически обобщает историю, и торжествующее завершение этой песни:

Тут смерть ему случилась,
Ни на ком не сыскалося¹

— совершенно не соответствует историческим фактам. На самом деле тверское восстание было жестоко подавлено союзными ордынско-московскими войсками под руководством самого Ивана Калиты. Тверь понесла тяжелую кару и за восстание, и за смерть Чол-хана. Тем не менее, в песне «Щелкан» есть и глубокая историческая правда: это прежде всего относится к передаче самой атмосферы той кровавой эпохи, народного представления о жестоком и унижительном иге, о постыдной зависимости Руси от внутренних интриг Сарая и от прихотей ханов или баскаков.

Одно неясное место в песне «Щелкан» не может не привлечь внимания исследователей. Это деталь из описания добычи Щелкана от поборов в «Литовской земле»²:

Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога,—
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять,
И друга дарить,
Щелкана Дюдентьевича.

Вот как комментирует эту деталь Б. Путилов: «Эпизод с дорогой уздой, которую нельзя ни продать, ни поменять, ни подарить, можно предположительно разъяснить так: Щелкан — татарский «даруга», то есть сборщик дани; он отобрал у князя подарок хана, который нельзя было отдавать даруге (в песне — «друга дарить»)»³. Иными словами, сюжетное значение бесценной узды в том, что лихой баскак при сборе дани совершил насилие над обычным правом, отобрав «у князя» пожалованную самим ханом («царем») уздечку.

Действительно, вся песня характеризует Щелкана как наглого захватчика, жадного до власти и богатства, и эпизод с уздечкой занимает свое место в этой характеристике, обосновывающей нравственную необходимость финального наказания Щелкана. Только у какого «князя» отобрал коня с уздечкой этот алчный насильник? Песня говорит, что Щелкан «с князей брал по сту рублей, с бояр по пятидесят» — и т. д. Князья здесь названы безлично. И дело не только в этой неувязке комментария с текстом. Прочитанный комментарий предполагает мысленную постройку экспозиции, своего рода экскурс в предисторию событий, что в целом не характерно для исторической песни как жанра.

Ибо народная историческая песня простым названием двух-трех персонажей локализует свой сюжет в истории, и древнерусские певцы считали, что аудитория прекрасно знает эти имена, будь то царь Батыга, царь Азвяк, Иван Грозный или Марья Темрюковна. Сюжетное развитие не подготавливается в тексте песни, событийный контекст проясняется песней в целом и легендарным «ореолом» центрального из названных имен. Ведь эти песни бытовали в богатой стихии свежего исторического предания, полного поясняющих деталей и имен, в эпоху, когда сама топонимика Руси хранила память о стоянках Батыя и кровавых маршрутах монгольских орд, либо в ту эпоху, когда московские щеголихи сурьмили еще брови так, чтобы походить на красавицу-кабардинку, любовною прихотью Ивана IV вознесенную на трон всея Руси. Короче говоря, условия бытования исторической песни были таковы, что она принципиально не нуждалась в пояснениях.

Поэтому, с нашей точки зрения, объяснение бесценности узды «царским жалованьем» следует признать поздним добавлением, так сказать «заплатой» на потере. Эпизод с непродажной уздой следует рассматривать не буквально-исторически, а в плане первоисходной поэтики жанра.

Мы принимаем в качестве постулата, что время возникновения исторических песен всегда было близким ко времени породивших их событий. Исходную версию «Щелкана» следует датировать XIV веком. Но взглянем внимательно на запись Кирши Данилова. Вот ее общеизвестное начало:

А и деялося в Орде,
Передеялось в Большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На чер[в]чатой камке
Сидит тут царь Азвяк...

Совершенно ясно, что золотой трон хана Узбека — деталь поздняя, что ханы Золотой Орды не сидели на тронах, как вообще монголы и татары той эпохи не употребляли никаких «стульев». Названия тканей «бархат» и «камка» — тоже доста-

точно поздние. Но надо ли стучаться в открытую дверь? Понятно, что песня «Щелкан» за четыреста лет своего устного бытования (XIV—XVIII века) должна была пройти долгий и сложный путь эпического редактирования, приспособляющего старый сюжет к новым реалиям изменяющегося мира и к новым представлениям русского крестьянства об ордынских «царях» и эпохе их ига. Со словом «царь» стали прочно ассоциироваться «золотой стул» и «рытый бархат», которых не могло быть в исходном тексте XIV века.

Характернейшим явлением эпического редактирования всегда было новое объяснение того, что стало непонятным. Именно таким дополняющим объяснением нам представляется данное в песне (в записи XVIII века) толкование бесценности золотой узды «царским жалованьем». Первоначально такого объяснения не требовалось ввиду особого значения уздечки — значения, которое, по нашему мнению, было вполне понятно русским людям в XIV веке, однако в дальнейшем было утрачено или затемнено.

Уздечка — это фольклорно-эпический символ большой распространенности. Так, например, в древнегреческом сказании о Беллерофонте повествуется, что многократные попытки этого героя укротить крылатого коня Пегаса оставались безрезультатными, пока в сновидении Беллерофонту не явилась Афина, подарившая ему золотую уздечку; пробудившись, герой нашел при себе эту уздечку, взнуздal ею Пегаса и подчинил его себе.

Этот миф отражает одну из ступеней развития материальной культуры. Как известно, коневодство намного предшествовало использованию коней для перевозки грузов или для верховой езды. Только изобретение уздечки позволило человеку окончательно покорить коня. Понятно, что греческое сказание описывает уду как дар божества: то же самое говорилось о всех важнейших изобретениях первобытного человечества. Правда, сначала все технические новшества приписывались культурным героям (ср. миф о похищении огня титаном Прометеем), но с развитием религий главные вехи доисторического «технического прогресса» стали объясняться в мифах и преданиях дарами богов. Геродот в своей «Истории» (кн. IV, § 5) рассказывает скифский миф о том, как к братьям-прародителям упали с неба золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Эти предметы были у скифов предметами культа. Золотая секира была найдена археологами в скифском кургане Гелермес, причем ее культовое значение признано специалистами. Согласно «японской библии», как называют в Европе знаменитую книгу «Кодзики», солнечная богиня Аматерасу подарила своему сыну (родоначальнику императорской династии) зеркало, шар и меч. Но примеры такого рода бесконечны. Объединяет их одно важное свойство: орудие, предмет, животное или культурное растение, подаренные богами, некогда были предметами культа, их окружало

религиозное почитание, следы которого сохранялись в мифах и поверьях очень долго.

Особое значение уздечки выступает в различных фольклорных памятниках. Например, древние венгры, прекрасно помнившие о своем приходе на Дунай с востока, создали легенду, согласно которой их великий завоеватель Арпад купил Паннонию (нынешнюю Венгрию) у моравского князя за белого коня с седлом и уздечкой, однако моравский князь нарушил слово, и страну пришлось завоевывать. Эта легенда стремилась обосновать право венгров на их новую родину, и в описании удивительной «сделки» Арпада с моравами упоминание седла и уздечки имеет большой вес, символизируя высоту цены, уплаченной прежним хозяевам Паннонии.

Для нашей темы интереснее всего русские параллели. Тут мы должны обратиться к известным волшебным сказкам под общим названием «Хитрая наука» (Афанасьев, №№ 249-253). Сын мужика, обернувшись конем, велит отцу продать его на базаре, но ни в коем случае не продавать уздечки. Покупатель-колдун требует вместе с конем и уздечку, мужик упирается. «Тут все барышники на деда нажились: так-де не водится! Продай лошадь — продай и узду». И во всех вариантах продажа уздечки вместе с конем оборачивается бедой для героя.

В новейших примечаниях Л. Г. Барага и Н. В. Новикова к «Хитрой науке» сказано: «Как в восточнославянских, так и в западных вариантах отражается поверье о том, что конь, купленный без узды, недолго удержится у нового хозяина. Как показало исследование Ю. Поливки, сказки и поверье бытовали на Западе много веков одновременно»⁴.

Этот комментарий можно дополнить. Ведь покупатель может взнудать коня собственной уздой, но обычай требует, чтобы продавец отдавал вместе с конем прежнюю узду. Следовательно, узде приписывалась магическая сила: именно той узде, с помощью которой конь был обездвижен. Вместе с передачей узды передавалась и власть над конем. В «Хитрой науке» молодец, обернувшийся конем, легко убегает от покупателя, если был продан без узды, но продажа вместе с уздой делает его беспомощным против колдуна.

И все же изложенное еще не объясняет нам, почему песня «Щелкан» усматривает бесчинство в уводе Щелканом коня с уздечкой и почему этой уздечке «цены нет». К пониманию этой детали нас подводит древний башкирский обычай, отраженный в частности, трагедией Мустая Карима «В ночь лунного затмения». Согласно этому обычаю, при возвращении башкир из военного похода перед юртой погибшего на войне джигита молча бросали уздечку его коня, что заменяло траурную весть. Заметим, что войско не обязано было вернуть семье погибшего его коня, но возвращало самое драгоценное — уздечку. Если в юрте есть своя узда, то новые кони будут. Узда символизирует

власть не над определенным конем, а над конями вообще: она выступает как материально воплощенная возможность иметь коней.

Вот почему узда дороже самого коня. Очевидно, в древне-монгольской религии узда имела культовое значение, отразившееся в монгольском табу XIII века. Европейские источники той эпохи сообщали, что у монголов считалось «преступлением» класть нож в огонь, опираться на бич и ударять лошадь ее уздой. Очевидно, такое использование узды в качестве бича, по представлениям монголов, оскорбляло узду.

Сходное отношение к узде было свойственно тюркским народам. Осмелимся предположить, что в XIII—XVI веках, т. е. в эпоху широчайших славяно-тюркских взаимовлияний, Русь знала (и даже отчасти заимствовала) некоторые поверья, обычаи и представления тюрков. Вот почему в песне «Щелкан» дана восходящая градация цен, в которой конь занимает нижнюю ступень, а узда — самую высокую. Вот почему узду нельзя «ни продать, ни променять»: позднее в русском православии запрещалась продажа иконы, но разрешалось меняться иконами или дарить их. Запрет продажи некоего предмета свидетельствует о культовом характере этого предмета.

О чем же говорит эпизод пребывания Щелкана в «Литовской земле»? О жестокости и разорительности ханской дани, о бесчеловечном грабеже баскаков:

У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.

Изначально мыслимое бесчинство Щелкана не в том, что он отнимает «царское жалованье», а в том, что он вообще уводит коней вместе с уздечками, тем самым лишая своих жертв и их потомков самой возможности иметь коней, обрекая их на «безлошадность», разоряя даже будущие поколения.

Ведь песня стремится представить Щелкана моральным чудовищем: ради получения от царя «богатой Твери» он выполнил жестокое условие царя — заколол своего любимого сына и выпил чашу его крови. Это фантастическое злодеяние отвратительно с точки зрения любого народа и любой религии. «В северно-русских вариантах песни есть еще эпизод с сестрой Щелкана Марией Дюдентьевной: она проклинает его за убийство сына и предрекает ему гибель»⁵. Это очень важно: родная сестра, татарка проклинает Щелкана.

Узда имеет магическое значение, и ее утрата — хуже утраты коня. То, что она сделана из золота, — второстепенно. Все драгоценные украшения уздечек, находимых археологами в могилах, говорят лишь о почтении к уздечке; истинная же ценность

ее магически функциональна. Всякая уздечка была бесценна; кто отнимал ее у данника, тот способен был и родного сына зарезать. Эпизод с уздечкой, эпизод сыноубийства и эпизод «чванства» Щелкана в Твери образуют один ряд: все они показывают баскака моральным чудовищем, заслужившим свой конец.

Чрезвычайно показательно, что отнятие уздечки, сыноубийство и грубость к дарителям оскорбляют не только русскую, но и татарскую мораль, что как раз и подчеркивается упомянутым проклятием Щелкана его сестрой. Это значит, что песня «Щелкан», как своего рода апология тверского восстания, адресовалась не только русским, но и отчасти татарским слушателям: русская историческая песня XIII—XV веков имела этнически смешанную аудиторию.

Это можно объяснить оживленными торгово-экономическими связями Руси с Ордой, вербовкой татарской конницы в русские княжеские дружины и вообще высоким процентом татарского населения в крупных русских городах. При всех жестокостях ига, эти двести с лишним лет тесного соседства принуждали русских и татар вырабатывать совместный *modus vivendi*, и взаимоотношения народов были в ту эпоху гораздо сложнее, чем это представляется поверхностному взгляду.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская народная поэзия. Эпическая поэзия / Сост. подг. текста, вступ. с.т и коммент. Б. Путилова Л., 1984, с. 225.

Далее песня «Щелкан» цитируется по тому же изданию, с. 222-225.

² В исторической действительности Великое княжество Литовское сохраняло независимость от Золотой Орды; в песне «Щелкан» название «Литовская земля» обозначает конкретную, известную, но отдаленную страну.

³ Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. С. 406.

⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М.: Наука, 1985, т. II. с. 426. Комментаторы указывают монографию Ю. Поливки «Магосьник и неговият ученик», София, 1898.

⁵ Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. С. 406 (комментарий Б. Путилова).